

научно-исследовательской работы в области природоохранительного законодательства. — «Учен. зап. ВНИИСЗ». Вып. 26. М., 1972, с. 122—128. 4. *Малишева Н.* Правове регулювання боротьби з шумом у СРСР. — «Рад. право», 1976, № 6, с. 83—86. 5. *Мунтян В. Л.* Правові проблеми раціонального природокористування. Київ, Вид-во Київського ун-ту, 1973. 169 с. 6. *Полянська Г. Н.* Поняття охорони природи і природоохранительное законодавство. — «Сов. государство и право», 1975, №9, с. 69—76. 7. Проблемы взаимодействия общества и природы. Тезисы докладов. М., 1974, с. 113—114. 8. *Стайнов П.* Правовые вопросы защиты природы. М., «Прогресс», 1974. 345 с. 9. *Шемчушенко Ю. С.* Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды в СССР. Киев, «Наукова думка», 1976. 261 с.

А. М. Запорожец, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ

Один из важнейших методов проведения в жизнь хозяйственного расчета — имущественная ответственность производственных объединений, предприятий и организаций. Она призвана обеспечить надлежащее исполнение плановых заданий и соответствующих им хозяйственных договоров по поставке. Однако правовая регламентация имущественной ответственности не является достаточно стройной и оптимально выдержанной. Разнобой в построении и применении существующих мер ответственности отрицательно сказывается на хозяйственной деятельности предприятий и организаций. Поэтому проблема улучшения функционирования института ответственности имеет актуальное значение.

Выполнение в данный период всех договорных обязательств способствует достижению наиболее приемлемого варианта отношений по реализации народнохозяйственных планов в стране. Известно, что многочисленные факты нарушений договорных обязательств порождают в отношениях между производственными объединениями, предприятиями и организациями хозяйственные осложнения, которые в ряде случаев мешают выполнению отдельных государственных плановых заданий. В настоящее время, когда в соответствии с решениями XXV съезда КПСС ставится задача оценивать деятельность объединений и предприятий по конечным народнохозяйственным результатам, необходимо дальнейшее повышение роли и значимости их имущественной ответственности за нарушения договорных обязательств.

Взыскание предмета обязательства в натуре. Действующее законодательство предусматривает различные формы защиты гражданских прав (ст. 6 ГК УССР), среди которых особое место занимает присуждение к исполнению обязательства в натуре. Ст. 208 ГК УССР достаточно подробно регламентирует последствия неисполнения этого обязательства. Установлено, что при

неисполнении обязательства передачи индивидуально определенной вещи в собственность или пользование кредитором последний вправе требовать изъятия этой вещи у должника и передачи ее себе. В обязательствах между социалистическими организациями кредитор имеет право требовать от должника передачи вещей в том случае, если они определены родовыми признаками. Между тем взаимоотношения предприятий в последние годы складывались таким образом, что иски о взыскании предмета обязательства по поставкам в натуре практически не применялись. Поскольку покупатели ограничивались взысканием неустойки, поставщики часто не принимали всех необходимых мер к выполнению взятых обязательств. Например, Челябинский металлургический завод выплавил за год сверх плана 19,5 тыс. т стали и, значительно перекрыв свои обязательства, одновременно недодал по заказам 57 тыс. т металла. За недопоставку металла завод уплатил лишь штраф. Однако теперь и штрафы стали оказывать определенное влияние на экономику предприятий. Каждая десятая доля процента невыполнения плана по заказам обходится Нижнетагильскому металлургическому комбинату в 200 тыс. р. В 1976 г. комбинат перевыполнил план по производству проката, но недодал его по заказам на 0,7%, в результате чего ему причинен ущерб в полтора миллиона рублей. Именно поэтому производственные объединения стремятся к более четкому выполнению договорных обязательств.

Следовательно, гиганты советской промышленности в некоторой степени ощущают действенность имущественной ответственности и принимают меры к надлежащему исполнению договорных обязательств. Однако значимость выполнения хозяйственных договоров оценивается не всегда, а в некоторых случаях проводится неправильно. Тем более, что в общем объеме реализации величина санкций недостаточно значительна. Поэтому таким «мелочам», как систематическому нарушению хозяйственных договоров, не уделяли должного внимания. В настоящее время установлено правило, по которому учитывается выполнение договоров в согласованном ассортименте. При невыполнении заданий и обязательств по поставкам продукции в количестве, сроки и по номенклатуре в соответствии с заключенными договорами руководящие работники производственных объединений и предприятий промышленности, а также снабженческих организаций лишаются премий за основные результаты хозяйственной деятельности в зависимости от степени невыполнения этих заданий и обязательств.

Следует использовать и другие правовые средства. Необходимо оказывать комплексное воздействие на неисправных поставщиков. В первую очередь нужно шире внедрять в практику иски о взыскании предмета обязательства в натуре. Обстоятельства сложились таким образом, что после выхода рабо-

ты В. К. Райхера «Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР» в 1958 г. эта проблема длительное время не исследовалась.

Решения XXV съезда КПСС, акцентировавшие внимание на необходимости достижения конечных результатов в народнохозяйственном планировании, позволяют усомниться в правомерности теоретических концепций, отрицающих возможность предъявления исков об истребовании предмета обязательства в натуре, и поставить вопрос о их практической допустимости в отношениях сторон по договору поставки. Нарушение ритмичности поставки в промежуточных звеньях снижает темпы выпуска реальных предметов материального мира на конечных стадиях производственного процесса.

Сущность проблемы заключается в том, что производственные объединения, добиваясь выполнения плановых заданий в суммарном выражении, во многих случаях нарушают исполнение договорных условий, а предприятия-потребители лишены возможности требовать принудительного изъятия неисполненной части. Например, Авдеевское производственное объединение швейных и галантерейных изделий Министерства местной промышленности УССР постоянно срывает договорные обязательства по поставке зонтов только потому, что их производство недостаточно прибыльно. По поставкам других товаров во многих отгрузках допускается определенное количество брака, по некоторым ассортиментным позициям поставки вообще не производятся. Покупатели применяют штрафы, органы Госстандарта СССР — экономические санкции. Несмотря на это, объединение выполняет и перевыполняет производственные планы. Сейчас, естественно, оно вынуждено будет уменьшить фонд материального поощрения, руководящие работники частично или полностью будут лишаться премии за основные результаты хозяйственной деятельности в зависимости от степени невыполнения договорных обязательств. Дополнительно к этому правомерно было бы поставить вопрос и о принудительном взыскании неисполненной части обязательства в натуре, поскольку наличие подобных исков заставит производителя добровольно выполнить плановые задания в установленном ассортименте либо подчиниться принудительному изъятию невыполненной части договора. В этом плане представляется неправильной позиция И. Н. Петрова, который утверждает, что в нынешних условиях нельзя требовать через арбитраж непоставленной продукции в натуре [см. 8, с. 131]. Это действительно так. Но данное обстоятельство не дает оснований для отрицания необходимости указанных исков. Скорее всего оно лишь свидетельствует о том, что здесь следует искать такие формы воздействия на нарушителя, которые принудили бы его к реальному выполнению договорного обязательства. С. Н. Братусь справедливо отмечает, что «принуждение к исполнению в

натуре в сфере имущественных отношений является более эффективной мерой ответственности, чем принуждение к исполнению обязанности с измененным содержанием или обязанности, возникшей из дополнительного соглашения, направленного на обеспечение основной обязанности (выплата неустойки, потеря задатка, обязанность погасить сумму задолженности из стоимости заложенного имущества и др.)» [4, с. 126].

Практика подтверждает, что у объединений и предприятий имеются, как правило, производственные возможности для выполнения установленных заданий в предусмотренном ассортименте. Если же им предоставить дополнительные гарантии в том, что они получают все сырье, а в случае недопоставки смогут изъять его в натуре, то поставщики, безусловно, будут стремиться к исполнению договорных обязательств в ассортименте, предусмотренном для каждого потребителя.

Мерой побуждения изготовителя к реальному выполнению обязательства должен быть штраф. По нашему мнению, им может быть ежедневно начисляемая неустойка в размере 3%. По истечении месячного срока с момента невыполнения указания арбитража о поставке в натуре поставщик уплачивает покупателю штраф в размере 100% стоимости недопоставленной продукции (товара).

Штрафные санкции за нарушения договорных обязательств. В современный период большое значение приобретает проблема дальнейшего совершенствования других форм имущественного воздействия на производственные объединения и предприятия, допускающие нарушения договорных обязательств. В литературе высказывались мнения, что санкции, вводимые законодателем, не всегда имеют точное экономическое обоснование. В одних случаях они могут локализовать убытки, в других — частично покрывать их. Подобные утверждения правомерны в отношении отдельных правонарушений. Но с ними нельзя согласиться в аспекте общего ущерба, вызванного нарушением исполнения договора. Это связано с тем, что невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства в одном месте порождает цикл последующих неисполнений договоров и соответствующих им плановых заданий. Поэтому даже если неустойка будет иметь любую величину, она не может покрыть убытков, возникающих в целом для народного хозяйства страны. Очевидно, невозможно требовать, чтобы взысканные санкции во всех случаях соответствовали размеру убытков. Это невыполнимо. Следует добиваться того, чтобы санкции оказывали определенное влияние на изготовителя с целью предотвращения нарушений договоров. Однако о нынешних санкциях этого в полной мере сказать нельзя. Речь может идти только об их примерном соотношении, когда они покрывают лишь часть убытков. Причем величина этих санкций невелика. Представляется необходимым проанализировать правоприменитель-

ную практику для выявления тенденций тех или иных санкций и внести предложения по их дальнейшему совершенствованию.

Известно, что санкции (ст. 179, 204 ГК УССР) имеют различный характер, но закон почти во всех случаях придает им и черты компенсации, устанавливая соотношение размера санкций с величиной ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением договорного обязательства. В истории хозяйственной практики был случай, когда в 1931 г. одна металлопромышленность должна была уплатить свыше 10 млн. р. штрафов. Начисление таких больших сумм штрафных санкций вынудило ВСНХ и НКСнаб в 1933 г. снизить их величину: пеня устанавливалась в размере 0,05% в день, а неустойка — до 3% [см. 5, с. 2].

Отсюда следует, что издание каждого гражданско-правового акта обуславливается состоянием экономики, потребностями хозяйственной жизни страны. Законодатель на всех этапах развития народного хозяйства, вводя те или иные размеры санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, имеет в виду создание таких условий, которые бы исключали или сводили к минимуму случаи нарушения договорных обязательств, поскольку санкции — не цель, а средство достижения надлежащего исполнения. Любые санкции не покрывают убытков народного хозяйства, связанных с нарушениями. Они выполняют стимулирующую, обеспечительную функцию, но никогда не заменяют реальных предметов материального мира. Исходя из этого, законодатель опытным путем обобщенно для народного хозяйства в целом устанавливает их размеры. Подобная тенденция является правильной и оправданной. В настоящее время внимание многих исследователей сосредоточено на поисках определенных методик измерения эффективности гражданско-правовых санкций и совершенствовании их размеров. Очевидно, это относится лишь к отдельным фактам неисполнения обязательства: несоответствию размера убытков величине взысканных санкций. Но отсюда не всегда вытекают обоснованные предложения об изменении размера имущественных санкций, подобно тому, как невозможно выработать универсальные измерители их эффективности.

Обеспечить сравнимость размеров санкций с убытками очень сложно. В нынешних условиях в общем плане данная проблема практически не разрешима, поскольку конкретная величина ущерба — дело факта. В одних случаях он может быть ничтожным, в других — значительным. Здесь, очевидно, следует искать другие критерии.

Сейчас сравнение производится между несоизмеримыми величинами, так как одна из них (размер санкций) — абсолютно определенная, а другая (убытки) — относительная. Законодательная регламентация указанного соотношения проведена для того, чтобы кредитор мог взыскать убытки, не покрытые неус-

тойкой, либо взыскать их сверх нее. При этом в истории гражданского права вообще и советского в частности внешняя сравнимость указанных величин не давала основания говорить об их результативности. Речь могла идти о том, что санкции влияют на итоговые результаты определенной деятельности. Поэтому и в теоретическом плане отсюда нельзя сделать выводов, позволяющих утверждать о степени эффективности имущественной ответственности. Очевидно, более правомерным будет сравнение общего объема уплаченных санкций с величиной реализации, установления их доли и на этой основе — определение их экономической результативности. Причем делать это следует по крупным производственным единицам и даже отдельным отраслям народного хозяйства. Как нельзя выявить эффективность нормы по одному правонарушению, так и нельзя констатировать нарушение договора по единичному факту. Но чтобы выводы были более или менее достоверными, необходимо добиться повсеместного контроля за исполнением договоров. В настоящее время введен показатель «объем реализации продукции в оптовых ценах предприятий, принятых в плане, с учетом выполнения обязательств по поставкам». Задача заключается в том, чтобы указанный критерий наиболее объективно отражал хозяйственные процессы. Во всяком случае должна быть решена проблема исключения из хозяйственной практики случаев освобождения от ответственности отдельных отраслей хозяйства и взаимного амнистирования поставщиков и потребителей. Известно, что в соответствии с Положением о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулировании разногласий по хозяйственным договорам, утвержденным Советом Министров СССР 17 октября 1973 г., предъявление претензий и исков в настоящее время является обязанностью контрагентов [см. 1, 1973, № 23, ст. 128]. Однако на практике наблюдаются многочисленные случаи амнистирования нарушителей договоров. Очевидно, что подобная тенденция должна быть в корне пресечена. По нашему мнению, факт непредъявления санкций должен служить для арбитража одним из оснований повышения ответственности на 50% с правом восстановления пропущенного срока исковой давности, если это имело место. Закрепление данного положения будет способствовать обеспечению повсеместного применения имущественной ответственности.

Если проанализировать эффективность существующих форм имущественной ответственности как соотношений сумм штрафов к объему реализации продукции, то полученные результаты будут свидетельствовать о том, что влияние их на хозяйственные результаты незначительно. Например, в 1975 г. Ждановский металлургический завод им. Ильича уплатил 24,6 млн. р. штрафов. Одновременно он перевыполнил планы отгрузок проката на 60 тыс. т, недовыполнил планы отгрузок чугуна и

труб на 88 тыс. т и недогрузил по заказам продукции на 196,5 тыс. т. Абсолютная сумма штрафа, как видно, значительная. Но в общем объеме реализации она составляет немногим более 3%. Однако уже в 1976 г. величина уплаченных штрафов уменьшилась на 50%. По другим крупным предприятиям доля штрафов во много раз меньше и составляет по Макеевскому металлургическому заводу им. С. М. Кирова 0,7%, Донецкому металлургическому заводу им. В. И. Ленина 0,3%, Донецкому мебельному комбинату 0,3% объема реализованной продукции. Таким образом, доля штрафов ничтожна. В то же время следует иметь в виду, что их размер еще ниже, поскольку он уменьшается на величину полученных штрафов.

Следовательно, практика периодического пересмотра и повышения размера санкций является правомерной и соответствует потребностям хозяйственной жизни страны. Представляются необоснованными утверждения отдельных авторов, что дальнейшее повышение имущественной ответственности не должно иметь места [см. 7, с. 202]. Если рассмотреть регламентацию имущественной ответственности за последние годы, то ни о каком увеличении размера санкций не может быть и речи. В этом плане полезно проанализировать нормативные акты, регламентирующие ответственность за нарушение договорных обязательств. Общие условия поставки металлопродукции, утвержденные Экономсоветом при СНК СССР 29 ноября 1938 г., предусматривали, что за просрочку в отгрузке металлопродукции виновная сторона уплачивала пеню в размере 0,05% стоимости недопоставки за каждый день, а при просрочке свыше 30 дней—сверх того неустойку в размере 3% [см. 3, с. 453—454]. Основные условия поставки не изменили размера ответственности за недопоставку [см. 10, с. 268]. Положение о поставках продукции производственно-технического назначения, утвержденное Советом Министров СССР 22 мая 1959 г. [см. 1, 1959, № 11, ст. 68], оставило прежним размер неустойки, но ввело ряд более жестких требований: учет недопоставки по ассортименту, полуторный размер ответственности при отдельных нарушениях (т. е. в целом следует считать, что ужесточились требования к поставщикам-нарушителям). В действующем Положении о поставках продукции производственно-технического назначения [см. 1, 1969, № 11, ст. 64] размер имущественной ответственности несколько повышен. Привело ли это к резкому росту абсолютных величин штрафов? Безусловно, нет. Например, по Макеевскому металлургическому заводу им. С. М. Кирова их абсолютный уровень за 1969 и 1976 гг. составил практически равную величину. Аналогичное положение по Донецкому металлургическому заводу им. В. И. Ленина, Краматорскому металлургическому заводу им. В. В. Куйбышева и ряду других предприятий. Вместе с тем по отдельным заводам размер уплаченных штрафов увеличился. Одновременно следует иметь в

виду и рост реализации продукции. Так, по Донецкому машиностроительному заводу им. Ленинского комсомола Украины объем реализации с 1969 по 1975 гг. увеличился в полтора, а штрафы за нарушение договорных обязательств по поставкам — в три раза. Такие же удельные показатели имеет Ждановский металлургический завод им. С. Орджоникидзе. Рост уплаченных штрафов объясняется многими обстоятельствами, среди которых не последнее место занимает абсолютное увеличение их размера по закону. В этих условиях возникает вопрос о влиянии санкций на фонды экономического стимулирования. Воздействие здесь осуществляется через механизм формирования прибыли. Наибольший эффект был, если бы применялось также положение, предусмотренное письмом Госплана, Госнаба и ЦСУ СССР от 8 февраля 1974 г. Хотя сейчас и отказались от такого порядка, но представляет все же интерес анализ неисполнения договоров и порядок формирования фондов. Например, расчет по Макеевскому металлургическому заводу им. С. М. Кирова показывает, что в 1975 г. выполнение плана по объему реализованной продукции с учетом выполнения обязательств по поставкам составило 87% фактической реализации за год. При нормативе снижения суммы фонда материального поощрения в 1% за каждый процент невыполнения плана по объему реализованной продукции он должен бы быть уменьшен на 952 тыс. р. Безусловно, такое снижение фонда весьма значительно даже для такого гиганта, каким является этот завод.

Уменьшение фонда материального поощрения привело бы к увеличению свободного остатка прибыли, который, как известно, поступает в бюджет. Следовательно, государство получит известную компенсацию ущерба, причиненного народному хозяйству, в связи с невыполнением договорных обязательств и соответствующих плановых заданий.

В настоящее время положение в области поставок не улучшилось. Объединения, предприятия и организации допускают неединичные нарушения договоров. Несмотря на принятые меры, выполнение договорных обязательств в установленных объемах — нерешенная проблема. Основной причиной сложившейся ситуации является недостаточное экономическое воздействие на нарушителя договора. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в ближайшее время следует вновь повысить ответственность изготовителя за нарушение договорных обязательств минимум в два раза¹.

Отдельные направления совершенствования штрафных санкций. В юридической литературе обсуждался вопрос о необходимости выравнивания уровней неустойки за нарушение сроков

¹ В ГДР сумма штрафа за несоблюдение сроков поставки прогрессивно возрастает при увеличении просрочки от 0,6 до 12% договорной суммы [см. 7, с. 208].

поставок продукции и товаров. Положение о поставках продукции производственно-технического назначения (п. 59) устанавливает ответственность за недопоставку в размере 3—5%, а Положение о поставках товаров народного потребления (п. 60) — в размере 2—3% стоимости недопоставки за просрочку до 10 и более 10 дней. Хозяйственная практика не дает оснований для существования различных величин санкций за недопоставку товаров и продукции. Партия и правительство придают важное значение расширению производства товаров широкого спроса. Исходя из значимости товаров народного потребления в удовлетворении запросов советских людей, следует считать ныне существующую практику не совсем верной. Это связано прежде всего с тем, что такое правовое регулирование ставит одного и того же субъекта хозяйственных отношений в экономически неравное положение. Например, предприятия мебельной промышленности за недопоставку леса и сырья для изготовления мебели взыскивают санкции в размере 3—5%, а сами за недопоставку мебели платят 2—3% стоимости недопоставки. Аналогичное положение наблюдается по поставкам сырья и готовых изделий для трикотажных и других товаров.

Неустойка за нарушение условий договора о количестве поставки является зачетной (ст. 204 ГК УССР, п. 88 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, п. 90 Положения о поставках товаров народного потребления). Однако повсеместное применение зачетной неустойки в нынешних условиях вряд ли целесообразно. Усиление ответственности за нарушение реального исполнения договорных обязательств обуславливает необходимость придания подобной неустойке штрафного характера. Здесь уместно сравнить данное положение с тем, которое существует при поставке недоброкачественной продукции, где неустойка имеет штрафной характер. Оно предопределено той значимостью, какую законодатель придавал качеству исполнения. В нынешних условиях достижение высокой эффективности общественного производства возможно, если производственные объединения и предприятия выполняют договорные обязательства в полном объеме и в соответствии с согласованным ассортиментом. Нарушение поставки в самом незначительном объеме может привести к огромным убыткам для отдельных предприятий. Причем ненадлежащий поставщик в таких случаях может ограничиться уплатой мизерного штрафа. Более правильным было бы положение, когда он платил бы штраф и сверх того возмещал причиненные убытки. Именно поэтому следует установить, что неустойка за нарушение сроков поставки должна носить штрафной характер. Это будет способствовать созданию предпосылок для реального исполнения договорных обязательств.

Важное условие обеспечения ритмичности производственного процесса — соблюдение договорных обязательств по коопе-

отношений испытывает трудности при рассмотрении споров по делам такого рода. Приведем несколько примеров, связанных с ведением дел других лиц без поручения.

Народный суд Киевского р-на г. Одессы рассмотрел иск З. к Л-вым о взыскании 96 р. 12 к. Истица и ответчики проживали в общей квартире, каждый из них нес свою долю коммунальных расходов. Однако в течение нескольких месяцев ответчики не оплачивали причитающиеся с них суммы за пользование электроэнергией. Это делала за них истица. Суд удовлетворил ее иск по ст. 440 ГК УССР [см. 14]. С-вы и П. предъявили иск к райфинотделу о возмещении расходов, понесенных ими при погребении С., имущество которой в порядке наследования перешло к государству. Народным судом Кировского р-на г. Кировограда иск был удовлетворен по ст. 556 ГК УССР [см. 10]. А. и Ш. состояли в фактических брачных отношениях. Когда Ш. умер, А., похоронив его, предъявила иск к наследникам покойного о возмещении расходов на погребение. Иск был удовлетворен со ссылкой на ст. 161, 151 ГК УССР [см. 13].

Сказанное свидетельствует о том, что отношения по ведению дел других лиц без поручения возникают не так уж редко и квалифицируются народным судом по-разному, что требует их детального исследования.

Под ведением дел другого лица без поручения понимается ведение дел при отсутствии договора поручения и любого иного договора, а также прямого предписания закона, обязывающего действовать в интересах другого лица. Ведение дел без поручения даже в интересах лица, чьи дела ведутся, означает вмешательство в сферу его имущественных (и иных) прав и интересов. Поэтому оно допустимо только при наличии определенных условий, к которым следует отнести необходимость предотвращения угрозы, нависшей над другим лицом (опасность может угрожать его имущественным и иным интересам); невозможность для этого лица защищать свои интересы самостоятельно или через избранного им представителя; отсутствие возможности связаться с этим лицом для получения от него соответствующих указаний и полномочий. В случае соблюдения этих условий последствия ведения дел без поручения непосредственно распространяются на заинтересованное лицо независимо от того, последует одобрение с его стороны или нет [см. 2, с. 213]. Лицо, действовавшее в интересах другого лица без поручения, имеет право на возмещение понесенных при этом необходимых расходов (ст. 469 ГК АзССР, ст. 440 ГК КазССР, ст. 402 ГК ЛатвССР, ст. 441 ГК МССР, ст. 497 ГК ТаджССР, ст. 506 ГК УзССР).

Если же перечисленные условия не соблюдены и нет оснований для применения правил ст. 5 Основ гражданского законодательства, действия лица, вмешавшегося в чужие дела, неправомерны. При определенных обстоятельствах они влекут за со-

поставкам. Вопросу повышения ответственности при кооперированных поставках в юридической литературе уделяется много внимания [см. 2, с. 55—57; 6, с. 41; 9, с. 124—150; 11, с. 188—231]. Причем предложения отдельных авторов в той или иной мере реализуются и в арбитражной практике. Однако с некоторыми предложениями вряд ли можно согласиться.

Большинство ученых и практиков высказывается за установление прямой ответственности, когда к ней привлекаются основной поставщик и его смежники (В. К. Райхер, Л. М. Рутман, М. Абрамов). Другие авторы (И. Б. Новицкий, В. Ф. Яковлева) считают, что смежник может оказаться недостаточно мощной организацией, чтобы нести ответственность в масштабах основного договора; рассмотрение подобных исков не всегда допустимо и целесообразно; при ступенчатых отношениях между контрагентами не всегда возможно привлечение к ответственности смежника [см. 11, с. 207]. Указанные предосторожности во всех случаях не подкреплялись достаточно убедительными доводами. По нашему мнению, эти опасения, преувеличенные в прошлом, необоснованны в условиях создания и функционирования крупных и экономически мощных производственных объединений. Важность же расширения кооперированных поставок и установление четкости в их выполнении вряд ли нуждаются в доказывании.

Сейчас, когда специализация производства является общераспространенным и необходимым фактором крупного промышленного производства, актуальное значение имеют гарантии по такого рода обязательствам. Предприятия-потребители должны реально получить имущество, составляющее предмет договора, что может быть обеспечено путем дальнейшего повышения имущественной ответственности за нарушение кооперированных поставок. В частности, Положение о поставках продукции производственно-технического назначения и Положение о поставках товаров народного потребления устанавливают, что в отдельных случаях неустойка взыскивается в полуторном размере. В таких пределах и должна быть закреплена ответственность за нарушение кооперированных поставок. Усиление имущественной ответственности особенно важно потому, что достижение больших и сложных задач, которые определены Конституцией СССР 1977 г., требует четкого, своевременного и в установленных объемах выполнения плановых заданий, определяемых высшими государственными органами.

Список литературы: 1. СП СССР. 2. Абрамов М. Відповідальність за вину третіх осіб у господарських правовідносинах.— «Рад. право», 1974, № 7, с. 55—58. 3. Арбитраж в советском хозяйстве. М., Госюриздат, 1948. 668 с. 4. Брагусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., «Юрид. лит.», 1976. 216 с. 5. Бюллетень ТАСС. «Хозрасчет», 1932, № 1—2. 6. Новицкий И. Б. Об ответственности социалистических организаций за нарушение договорной дисциплины.— «Сов. государство и право», 1958, № 7, с. 33—42. 7. Первушин А. Г. Хозяйственный договор в деятельности предприятий сельского хозяй-

ства, М., «Юрид. лит.», 1976. 224 с. 8. *Петров И. Н.* Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М., «Юрид. лит.», 1974. 213 с. 9. *Рутман Л. М.* Правовое регулирование кооперированных поставок. М., «Юрид. лит.», 1971. 151 с. 10. Сборник Основных условий поставки, вып. 4. Ч. 1. М., Госюриздат, 1956. 296 с. 11. *Яковлева В. Ф.* Специализация и кооперирование промышленности. М., «Юрид. лит.», 1974. 232 с.

П. Р. Стависский, канд. юрид. наук, Е. О. Харитонов

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ СМЕЖНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Советские люди, выполняя свои конституционные (ст. 59, 61, 62 Конституции СССР 1977 г.) и моральные обязанности, нередко совершают действия, которые направлены на предотвращение вреда, угрожающего интересам социалистических организаций и отдельных граждан. Если при этом гражданину причинен имущественный ущерб, важно выяснить, кто и как должен возместить его потерпевшему (мы не затрагиваем вопрос о социальном обеспечении). В гражданском законодательстве предусмотрен единственный случай возмещения ущерба, понесенного при предотвращении вреда. Ст. 95 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (далее будем называть Основы гражданского законодательства) говорит об обязанности социалистической организации возместить гражданину, спасавшему ее имущество, понесенный им при этом ущерб. Однако спасательные и иные действия совершаются в интересах не только социалистических организаций, но и граждан.

В зависимости от обстоятельств при совершении подобных действий можно говорить о ведении дел без поручения либо о спасении жизни, здоровья, личного имущества граждан. Отметим, что названные виды обязательств неизвестны действующему гражданскому законодательству почти всех союзных республик. Лишь ведение дел без поручения урегулировано в гражданских кодексах АзССР, КазССР, ЛатвССР, МССР, ТаджССР, УзССР. Это отразилось на полноте исследования указанной проблемы. Так, последняя работа, посвященная ведению дел без поручения, опубликована в 1946 г. [см. 4]. Вопросы спасения жизни и здоровья граждан в большинстве случаев сводятся к обоснованию целесообразности или нецелесообразности ведения таких обязательств и только в монографии [см. 5, с. 90] описана их конструкция. Что касается возмещения вреда, понесенного при спасении имущества граждан, то эта проблема до сих пор специально не исследовалась.

Между тем действия по предотвращению вреда, угрожавшего гражданам, совершаются довольно часто, и практика вследствие отсутствия нормативного регулирования подобных